

Судьба Мастера

Лев КОЛОДНЫЙ

ТРИ СВОИХ сочинения Михаил Афанасьевич Булгаков посвятил второй жене — Любови Евгеньевне Белозерской, после замужества носившей свою фамилию.

Какие это произведения?

— Та вещь, которую я высоко ставлю и о которой не очень можно сейчас говорить (беседа состоялась десять лет назад).

— Какая это вещь?

— Повесть «Собаچه сердце».

— Мне посвящен роман «Белая гвардия» и пьеса «Кабала святош», она же «Мольер».

Вспоминала о прошлом Любовь Евгеньевна в однокомнатной квартире, где зимой бывало, по причудам домоуправления, порой мучительно холодно, а летом — темновато, сумрачно. Кроме нее в квартире обитали в день первой нашей встречи две кошки, очень свободно себя чувствовавшие в тесно заставленной квартире, давно не ведавшей ремонта. Да и как его было проводить одинокой, куда девать мебель?

Вот много пишут и говорят, что хорошо бы устроить музей в доме на Садовой, 10, в первой квартире писателя. Хорошо бы, конечно. Но только ничего от той квартиры-комнаты не осталось.

В квартире Любови Евгеньевны был музей Булгакова: в ней сохранялась значительная часть обстановки, в которой он прожил до развода с ней, когда случилось то, что напоролил Алексей Толстой.

Любовь Евгеньевна написала интересные воспоминания, вышедшие на русском языке в Соединенных Штатах, откуда за ними приехали. Никого из издателей в Москве они не заинтересовали. А жаль. До недавнего времени редко кто из исследователей на нее ссылался. Порой, по ее словам, с ее воспоминаниями поступали по-гангстерски, использовали без ее согласия, порой не упоминали вообще — будто ее и не было, словно она давно умерла. А она жила, почти на полвека пережила мужа, которого, по-моему, любила до гроба, не прощая измены.

Кроме уже упомянутой комнаты студента, жили в здании на улице Герцена, 46, бывшей гимназии, ставшей школой, где директором служила сестра Михаила Афанасьевича. Устроились в учительской комнате, на клетчатом диване. Потом жили во флигеле дома № 9 по Чистому переулку, который называли «голубятней».

В «голубятню» в гости приходили Лямина: Николай Николаевич, переводчик и литератор, а не художник, как иногда пишут, его жена художница Наталья Абрамовна Ушакова. Булгаков считал Николая Лямина лучшим другом.

Заходил сюда приятель-хирург Николай Леонидович Гладыревский, консультировавший «Собачье сердце». А прообразом профессора-хирурга Филиппа Филипповича Преображенского стал дядя писателя по матери Николай Михайлович Покровский.

Приходили сюда и непрошенные гости. Скорый на выдумки Булгаков однажды в газете подписался псевдонимом Гепеухов, не думая, что вскоре ему придется иметь дело с организацией, над которой подшутил. Это случилось, когда жили в «голубятне». «Вечером поступали и бодрый голос арендатора сообщил:

— Это я, гостей к вам привел!

— На пороге, — как пишет Л. Е. Белозерская-Булгакова, — стояли двое штатских: человек в пенсне и просто невысокого роста человек — следователь Славкин и его помощник, с обыском.

...Арендатор развалился на кресле, в центре, личность это была примечательная, на язык несдержанная, особенно после рюмки-другой. Молчание. Но длилось оно, к сожалению, недолго.

— А вы не слышали анекдот, — начал арендатор... (Пронеси, господи, подумала я).

— Стоит еврей на Лубянской площади, а прохожий спрашивает:

— Не знаете ли вы, где тут Госстрах?

— Госстрах не знаю, а госужас вот...

Раскатиasto смеется сам рассказчик. Я бледно улыбаюсь. Славкин и помощник безмолвствуют.

И вдруг знакомый стук.

Я бросилась открывать и сказала шепотом М. А.:

— Ты не волнуйся. Мака, у нас обыск. Но он держался молодцом. (Дергаться он начал значительно позже). Славкин занялся книжными полками, «пенсне» стало переворачивать кресла и колоть их длинной спицей. И тут случилось неожиданное.

М. А. сказал:

— Ну, Любаша, если твои кресла выстрелят, я не отвечаю.

Кресла были куплены мною на складе бесхозной мебели по три рубля пятьдесят копеек за штуку. И на нас обоих «напал смех, может быть, и нервный. Под утро зевающий арендатор спросил:

— А почему бы вам, товарищи, не перенести ваши операции на дневные часы?

Ему никто не ответил. Найдя на полке «Собачье сердце» и дневниковые записи, гости тотчас уехали. По настоянию Горького приблизительно через два года «Собачье сердце» было возвращено автору.

Последствия ночного визита начали проявляться постепенно. Булгакову был закрыт выезд за границу. Все попытки издаваться оканчивались провалом. Он остался при жизни автором единственной книги.

События в творческой жизни Михаила Булгакова в середине двадцатых годов следовали одно за другим. Он писал сразу две пьесы — и для МХАТа, и для театра Вахтангова, «Дни Турбиных» Москва увидела 5 октября 1926 года. В дни репетиций Булгаков задумал новую пьесу — «Бег»...

Я уже говорил, что Булгаков и Белозерская вместе работали над пьесой, но не довели ее до конца, поняв, что никто пьесу из «светской жизни» не поставит.

И снова началась их совместная работа — над «Бегом». Писал ее Булгаков. А жена рассказывала ему о том, что недавно пережила сама: о бегстве из Одессы, карантине в Босфоре, о жизни в Константинополе, Париже. Рассказывала интересно, красочно. Булгаков посоветовал ей написать «Записки эмигрантки», развалил план этого сочинения. Его Любовь Евгеньевна в конце концов создала, но только не тогда, в двадцатые годы, когда была женой Булгакова, а полвека спустя.

Работа над «Бегом» шла уже на другой квартире — в Малом Левшинском переулке, на углу с Кропоткинской. На ограде

старинного дома сохранялась, как зарубка минувшего, надпись «Свободен от постоя». Там уже была не одна, а две комнаты в коммунальной квартире.

Дом был хорош тем, что рядом с ним обитали самые близкие друзья. На этой квартире при свечах писал Михаил Булгаков пьесу «Багровый остров».

Банкет на сорок персон по случаю феноменального успеха «Дней Турбиных» состоялся у друзей в доме по Сивцеву Вражку, 41. Столы накрыли в нижних комнатах. Веселились до утра.

То были счастливые дни в жизни Михаила Булгакова.

Преуспевающий драматург и писатель мог себе тогда позволить нечто большее, чем две комнаты в Малом Левшинском, 4. Жилищный вопрос в Москве, еще не начавшей индустриализации, решался тогда порой довольно просто. Услышав от знакомых, что некий арендатор сдает квартиру из трех комнат на Большой Пироговской, 35а, Михаил Афанасьевич, не тратя времени на размышления, ее снял.

В воспоминаниях композитора С. Н. Василенко сказано:

«...У него была большая склонность к юмору. На входной двери его квартиры была прибита дощечка «Бутон Булгаков. Звонить 2 раза». Бутонем называлась отвратительная собака-дворняжка».

— Ну, с этим я не могу согласиться, — заметила Любовь Евгеньевна, — Бутон была прелестная собака.

Однажды, будучи в гостях у друзей в многоэтажном доме Нирензее в Боль-

шом Гнездиновском переулке, Булгаковы встретились с Еленой Сергеевной Шиловской, женой известного в то время военачальника, жившего в районе Арбата, в Малом Ржевском переулке. «Она вскоре стала моей приятельницей и начала запросто и часто бывать у нас в доме», — пишет Л. Е. Белозерская-Булгакова.

Что было дальше, общеизвестно. Через три года Е. С. Шиловская стала третьей женой писателя, переехала жить со своим сыном Сергеем на Большую Пироговскую, а Любовь Евгеньевна ушла к родственникам бывшего мужа...

Спрашиваю:

— А телефон был?

— Да, был, — ответила Любовь Евгеньевна, — я понимаю, почему он вас интересует... У него была отводная трубка, и я слышала весь разговор Сталина с Михаилом Афанасьевичем, о котором так много говорили по всей Москве тогда и пишут сейчас.

— Сталин получил ваше письмо, — сказал Сталин о себе в третьем лице, что меня поразило.

Я дневник не вела, разговор не записала, но был он коротким. Сталин спросил, не желает ли Булгаков выехать за границу. Михаил Афанасьевич отказался и сказал только, что хотел бы иметь постоянную работу и нормально жить. Под «нормально жить», он, конечно же, понимал возможность публиковаться, ставить свои пьесы.

О письме этом впервые появились сведения в печати в 1966 году, а недавно полный текст опубликовала М. Чудакова в восьмом номере «Нового мира» за минувший год.

— Мы ваше письмо получили, — сказал Сталин. — Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь. А может быть, правда, вас пустить за границу? Что, мы вам очень надоели?

— Я очень много думал в последние годы, может ли русский писатель жить без родины, и мне кажется, что не может...

— Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?

— Да, я хотел бы, но я говорил об этом, мне отказали.

— А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с вами...

Как видим, диалог со Сталиным слушала Любовь Евгеньевна, а процитированную запись в дневнике делала Елена Сергеевна Шиловская, познакомившаяся с писателем в 1929 году. Это знакомство, вспыхнувшая любовь, по-видимому, дали ему силы тогда пережить все несчастья, обрушившиеся на его голову.

То был, как известно из истории, «год великого перелома». В судьбу писателя он также переломный, трагический.

«В 1929 году свершилось мое писательское уничтожение», — писал он брату.

Публикации его в СССР прекратились ранее — в 1925 году. Но шли пока пьесы, причем в лучших театрах Москвы — во МХАТе, Вахтанговском, Камерном... Но и пьесы постигла судьба прозы. Их запретили, даже «Дни Турбиных», имевших феноменальный успех.

Писатель стал задыхаться. В июле 1929 года первый раз обращается с письмом к Сталину, Калинин, Свидерскому, начальнику Главискусства, и Горькому с просьбой «ходатайствовать перед правительством СССР об изгнании меня за пределы СССР вместе с женой моей Л. Е. Булгаковой, которая к прошению этому присоединяется».

Ответа не последовало. В сентябре обращается к секретарю ЦИК СССР Авелю Енукидзе. Просит разрешить с женой своей Любовью Евгеньевной Булгаковой выехать за границу.

Ответа не последовало.

В отчаянном письме Максиму Горькому в конце сентября — мольба о помощи. Но такому писателю, как Михаил Булгаков, посодействовать он был не в силах.

Наконец 28 марта 1930 года пишется обстоятельное письмо на имя «Правительства СССР», размноженное в нескольких экземплярах и отправленное членам Политбюро, наркомам внутренних дел и просвещения, Феликсу Кону, руководившему тогда сектором искусств Наркомпроса, ведавшему театрами.

Вот на это письмо — крик ужаса — Сталин (после выстрела Маяковского и его похорон в те дни) неожиданно 18 апреля отозвался телефонным звонком, на какое-то время разрядившим обстановку.

Работу во МХАТе ему предоставили сравнительно быстро. Но пьесы, снятые с репертуара, никто не возобновлял. Через год Булгаков напоминает о себе еще одним письмом. Реакции не последовало.

Только в январе 1932 года артисты МХАТа разнесли по Москве «историческую фразу» вождя: «А почему давно не видно на сцене «Дней Турбиных»?». Задавая этот лицемерный вопрос, он-то знал, почему не идет спектакль.

Булгаков подсчитал, что за десять лет из 301 рецензии только три оказались похвальные, а 298 были «враждебно-ругательные». Многие писали не рецензии, а доносы.

В порыве отчаяния в 1930 году, перед тем как написал «Правительству СССР», бросил в огонь печи пятнадцать глав первого варианта «Мастера и Маргариты».

Однако выжил. Девизом Булгакова тех лет были слова: «Главное — не терять достоинства».

Чтобы лучше понять творческую лабораторию писателя, историю его литературных произведений, надо знать, что рассказывает и пишет Любовь Евгеньевна:

«В 19—20 гг. молодая петербургжанка-петроградка встретила с человеком намного старше себя и связала с ним свою судьбу. С ним же она пошла в эмиграцию и проделала весь классический путь: Константинополь, Париж, Берлин... Вернувшись в начале 1924 года, она (я) вышла замуж за Михаила Афанасьевича Булгакова, с которым прожила восемь с половиной лет. Мои встречи, странствия, впечатления он слушал с большим интересом и считал, что их надо записать. Собственнооручно по моим рассказам он написал план предполагаемой книги «Записки эмигрантки».

Рассказ Любови Евгеньевны о петербургском писателе Крымове, редакторе журнала «Столица и усадьба», обладавшем также деловой хваткой, преуспевавшим и в эмиграции, преломился в «Беге» в окарикатуренном образе Парамона Корзухина.

— Он спросил у меня однажды, — рассказывала Любовь Евгеньевна, — как ты себе представляешь Серафиму? Я ответила:

— Настоящая петербургская дама.

— А что вкладываете вы в это понятие? — задал вопрос я.

— Это женщина, на которой нет ничего сомнительного. Если серьги — то настоящие, если кольцо — то хорошее, никаких подделок. Если платье — то не вульгарное...

— Где вы бывали, кроме театров?

— Часто ездили в Староименовский переулок (ныне улица Медведева), где помещался «Кружок», клуб работников искусств. Там обычно заставляли за столом Демьяна Бедного. Михаил Афанасьевич нередко играл в бильярд в паре с Маяковским. Михаил Афанасьевич, как говорит Любовь Евгеньевна, играл «с каменным лицом». Его партнер — Маяковский не понимал и не принимал творчества Булгакова, более того, резко выступал публично против постановки во МХАТе «Дней Турбиных»: «Начали с тетеи Маней и дядей Ваней, а закончили «Белой гвардией»...» Ругал пьесу в стихах. И в «Нлопе» язвительно прошелся по писателю Булгакову...

В своих воспоминаниях Любовь Евгеньевна обратила внимание исследователей творчества Булгакова на одну редкостную книгу, ускользнувшую из их поля зрения. Она была подарена ее мужу еще в первые годы их совместной жизни художницей Н. А. Ушаковой, женой Николая Лямина.

Эту книгу она иллюстрировала. Вот ее название: «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей. Романтическая повесть, написанная ботаником Х., иллюстрированная фитопатологом У. Москва, V год Республики». Вышла книга тиражом в тысячу экземпляров, напечатана в Первой Образцовой типографии на Пятницкой. (Анонимный автор ее теперь всем известен — профессор А. В. Чаынов, недавно реабилитированный...).

Раскрыв эту странную книгу, Михаил Афанасьевич несказанно удивился: герой был его однофамильцем — Булгаковым. А другой герой книги — сатана, с которым чаыновский Булгаков вел бой за душу любимой женщины.

Сатана уносил героиню — актрису Настеньку в черной карете, его преследовал Булгаков, погоня происходила на фоне ночной Москвы и «уходящей ввысь громады Пашкова дома»...

Именно эта забытая всеми повесть, как считает Л. Е. Белозерская-Булгакова, послужила импульсом, который привел в действие могучие силы творчества автора «Мастера и Маргариты», в какой-то степени повлиявшим на его замысел, сюжет.

В доме на Большой Пироговской Булгаков жил семь лет — до 18 января 1934 года. Отсюда переехал в Фурманов переулок, 3, квартира 44, в кооперативный дом. Из него уехали в том году Осипа Мандельштама.

Булгакова пощадили. Ему оставили хорошую квартиру, любимую жену, друзей, престижную службу. Он создал в этом доме «Мастера и Маргариту», «Театральный роман». Русской литературе посчастливилось.

Булгаков жил на положении пасынка страны. Но не врага народа. Только это и может служить нам утешением...

В том доме написал сценарий «Ревизора», пьесы «Блаженство», «Пушкин», «Дон Кихот», «Батум»... Но ничего из созданного в тридцатые, сталинские годы Булгаков не увидел на сцене, в книжной обстановке.

В сентябре 1936 года переходит из Художественного театра на службу в Большой, в литературную часть. На его квартире стали бывать артисты оперы, композиторы, дирижеры...

...Да, многие годы жизни прошли в кипучих стенах дома на Большой Пироговской, 35-а. Неподалеку от него во дворе — стеклянная стена мастерской художника Павла Корина, ставшей музеем. Давно уже дом № 35-а заслуживает такой же участи, а для начала — мемориальной доски.

Не могу не огорчить москвичей: после кончины Любови Евгеньевны никто из официальных лиц не заинтересовался по большому счету судьбой булгаковских реликвий. Крупная мебель ушла в хорошие руки — киевский музей. Если Литературный музей и дальше будет так же исполнять свой долг, то уйдет и все, что еще осталось...

Закончить хочу словами Булгакова из очерка «Сорок сороков», где он описывает свое поаяление в городе: «...вехал я в Москву ночью. Это было в конце сентября 1921 года. По гроб мой жизни не забуду ослепительного фонаря на Брянском вокзале и двух фонарей на Дорогомилевском мосту, указывающих путь в родную столицу. Ибо, что бы ни происходило, как бы вы ни говорили, Москва — мать, Москва — родной город».